

Месхиев Дмитрий

24.07.04

320

Независимая. — 2004. — 24 июня. — с. 6

Дмитрий Месхиев: «Многие шли в партизаны, чтобы спасти свою шкуру»

Российский фильм «Свои» — пока самый приличный фильм конкурсной программы

Екатерина Барабаш

Московский фестиваль ползет к концу. Хорошее кино здесь редкий гость, да и то — к основному конкурсу отношения не имеет. Конкурс изумляет непродуманностью отбора, невысоким качеством самих картин, редкой организационной сумятицей и еще массой вещей, о которых мы поговорим отдельно. Пожалуй, первым фильмом, слегка примирившим с унылой действительностью 26-го праздника жизни его организаторов, стал (что странно и приятно) российский фильм — картина Дмитрия Месхиева по сценарию Валентина Черных «Свои».

Третий месяц войны. Из плена бегут Снайпер (Михаил Евланов), Чекист (Сергей Гармаш) и Политрук (Константин Хабенский). В двух километрах — родная деревня снайпера, где все трое находят прибежище в доме его отца. Старик (Богдан Ступка), оказывается, — немецкий староста, согласившийся стать им из обиды на советскую власть, заделавшую когда-то его кулаком и выславшую в Сибирь. С того момента, как трое пленных оказываются на чердаке у Старика, жизнь каждую минуту подсовывает героям необходимость выбора. Старик должен сдать двоих беглецов, чтобы местный полицмейстер (Федор Бондарчук) отпустил двух его дочерей, взятых в заложники. Молодая соседка (Анна Михалкова) должна выйти замуж за полицмейстера, чтобы спасти жизнь своему жениху Снайперу. При побеге Политрука ранят в ногу, и остальные молча бросают его одного против нескольких десятков немцев.

Свой в одночасье становится чужим, чужой — своим. И оказывается, что война страшна не только смертями, но и необходимостью каждую секунду делать какой-то выбор, который мгновенно ниспровергает прежние

Время пришло — снимать фильмы и думать о войне. Режиссер Дмитрий Месхиев и «узнаваемая» трубка.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

идеалы, на их месте сооружает новые. Как вынести груз новых, непонятных отношений с теми, кто вчера был своим, а сегодня стал чужим, и наоборот, — непонятно.

Недостатки (в основном на уровне сценария, где часто концы не сходятся с концами) фильму можно простить за одного только Богдана Ступку. Трудно сказать, состоялся бы фильм, если бы не он, создавший образ монументальной и трагической силы при минимуме слов и художественных приемов. Моментами кажется, что Ступка не справляется с колоссальной энергетикой, которую сам же и рождает. Справедливости ради, в фильме Месхиева почти каждый актер создает законченный и отточенный образ.

Гармаш, кажется, играет на пределе возможностей (хотя, как хочется надеяться, возможностей у него еще предостаточно). Михаил Евланов тянет практически непосильную для новичка ношу — показывает, как наивный деревенский мальчишка за несколько дней обретает матерость и необходимый цинизм.

После премьеры обозреватель «НГ» встретила с Дмитрием Месхиевым

— Дмитрий, это что — тенденция, что молодые вдруг взялись за фильмы о войне?

— Наверное, время пришло. Еще недавно снимать о войне честно было практически невозможно. Да и недешевые они, фильмы-то о войне. Сейчас многое изменилось, из картин о Великой Отече-

ственной ушла парадность, необходимая в советские времена. Думаю, что назрела необходимость опять поговорить о войне. — Вы понимаете, что ветераны подвергнут вас анафеме за одну только сцену, где герои сдаются в плен, — двое судорожно сдирают с себя гимнастерки, чтобы в них не опознали командира и еврея-политрука, третий бросается перед немцами на колени с немой просьбой в глазах: «Только не убивайте!»

— Они имеют на это право, Великая Отечественная — это их, страданное. Но мы же знаем, что далеко не все сдавались в плен героически. Точно так же, как не все предатели истинные предатели. Были же и такие, как Старик, которые пошли в старосты,

с одной стороны, по просьбе односельчан — те знали, что он ничего плохого им не сделает, а с другой — это дальние отголоски революции, Гражданской войны, когда сильна была еще обида на большевиков, сломавших столько жизней.

— Партизанское движение, если следовать логике вашего фильма, зародилось не ради спасения родины — партизанами становились те, кто спасал собственную шкуру, как ваши персонажи.

— А разве это не так? Кто-то действительно спасал свою шкуру, кто-то шел в леса защищать свою семью, своих детей. Главное, что я хотел сказать, — это то, что не надо никого судить. Вряд ли кто-нибудь когда-нибудь объяснит, почему один нормальный

человек на войне совершает подвиг, а другой, такой же нормальный, совершает предательство.

— Меня, да и многих других, потрясла игра Богдана Ступки — такой драматический накал, что в зале чуть ли не электрический ток пробегает. Но ведь изначально планировался другой актер?

— Я очень хотел снять в этой роли — только не смейтесь — Евгения Семеновича Матвеева...

— Над чем же смеяться?

— Его все время использовали в прилизанных, гламурных ролях положительных героев. А он мог сыграть и сложную, по-настоящему драматическую роль. Я уверен, что он бы здорово сыграл. И я был бы в какой-то мере спокоен, потому что дал бы ему шанс наконец раскрыться. Но когда я уже совсем близко подошел к фильму, Евгений Семенович заболел, потом долго и тяжело болел. Потом его не стало. Но Ступка — самое что ни на есть прямое попадание.

— Мне кажется, что, ниспровергая одни штампы, вы кое-где на их месте воздвигаете другие. Это, по-моему, стало уже общим местом в фильмах о войне — зашуганный еврей, который обязательно погибнет, спасая своих...

— Какой же тут штамп? Наоборот, «наш» еврей Лившиц, которого играет Костя Хабенский, для кино абсолютно нехрестоматийный. Бесшабашный, отважный парень, который в бой лезет первым, немцу череп крошит так увлеченно, что не оторвать. Поэтому его и ранят, что он самый отважный. А то, что он погибает, спасая товарищей, — куда ж ему деваться? Товарищи его бросили раненого, а он отстреливается — вдруг повезет?

— И все-таки — кто такие «свои»?

— Однополчане, односельчане, родственники, партизаны, полиция... Мы все — свои, только некоторые ошибаются, отступают. Судить их нам не надо. ■